

Научная статья
УДК 398.8 (571)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/73-83>

К вопросу об эволюции духовных ценностей в период Гражданской войны (на примере ценностей красного движения в песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока)

Татьяна Владимировна КРАЮШКИНА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия,
kvtbp@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале песенного фольклора периода Гражданской войны Сибири и Дальнего Востока рассмотрены духовные ценности красного движения. В качестве основных методов использовались структурно-типологический, структурно-семантический, описательный. В результате анализа были выявлены четыре группы носителей ценностей. Делаются выводы об устойчивости духовных ценностей и способности ценностей всех групп образовывать единый комплекс, выявлены законы функционирования духовных ценностей в народном сознании, обнаружена устойчивость духовных ценностей в период активного беженства.

Ключевые слова: духовные ценности, ценности красного движения, песенный фольклор Сибири, фольклор Дальнего Востока, фольклор Гражданской войны

Для цитирования: Краюшкина Т.В. К вопросу об эволюции духовных ценностей в период Гражданской войны (на примере ценностей красного движения в песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока) // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 73–83. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/73-83>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/73-83>

On the question of the evolution of spiritual values during the Civil War (on the example of the values of the red movement in the song folklore of Siberia and the Far East)

Tatyana V. KRAYUSHKINA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, kvtbp@yandex.ru

Abstract. In the article, on the material of the song folklore of the period of the Civil War of Siberia and the Far East, the spiritual values of the red movement are considered. Structural-typological, structural-semantic, descriptive were used as the main methods. As a result of the analysis, four groups of value carriers were identified: partisans, commanders, family and people. Conclusions are drawn about the stability of spiritual values and the ability of the values of all groups to form a single complex, the laws of the functioning of spiritual values in the public consciousness are revealed, the stability of spiritual values during the period of active refugee is found. Built into the system of folk spiritual values, the spiritual values of the representatives of the red movement are a model of evolution, the development of the traditional system. Based on the foundation of traditional concepts, they partially replace their content.

Keywords: spiritual values, values of the red movement, song folklore of Siberia, folklore of the Far East, folklore of the Civil War

For citation: Krayushkina T.V. On the question of the evolution of spiritual values during the Civil War (on the example of the values of the red movement in the song folklore of Siberia and the Far East) // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 73–83. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/73-83>

Проблема духовных ценностей является *одной из актуальных* в современной гуманитарной науке. Решения требуют задачи создания единого, полного, соответствующего запросам современного (и непременно – будущего) многонационального Российского государства перечня духовных ценностей, востребованности и принятия вошедших в единый перечень ценностей всеми членами (группами) общества; необходимы рабочие инструменты сохранения собственных (российских, традиционных, национальных) духовных ценностей и противо-

стояния ценностям чужим и чуждым. При этом важно осознание того, что механизм сохранения своего, в том числе духовных ценностей, включается тогда, когда идёт активное противостояние.

Поэтому так опасна "мягкая сила"; вот почему ей необходимо уделять особое внимание в деле защиты духовных ценностей Российской Федерации. Поэтому так действенна "мягкая сила" для формирования лояльного отношения к России: трансляция и закрепление духовных ценностей нашего государства становятся и способами воздействия на сознание носителей ценностей других стран. Вышеперечисленное напрямую связано с проблемой сохранения нации, государства, человечества, традиционных ценностей. Таким образом, проблема духовных ценностей обретает *практическую значимость*.

Устное народное творчество стереотипно трактуется как транслятор эстетики и традиционных представлений этноса (а этот термин порой стандартно воспринимается в значении неизменяемых, устаревших, рудиментарных). И в результате подобного восприятия – как продукт, весьма далекий от действительности. Но фольклор является значимым источником психологии народа, в нём представлен многовековой опыт изменения представлений, и что не менее важно – инструментарий, в том числе и инструментарий отбора, противостояния, противопоставления и сохранения духовных ценностей.

Особый интерес в обозначенном плане представляет песенный фольклор периода Гражданской войны. В нём обозначены пути перехода своих / чужих из системы координат наций в систему координат социальных статусов. Происходит глобальное изменение традиционных представлений. Свои в песенном фольклоре Гражданской войны – те, кто принадлежит не к одной нации, а к одной социальной группе. При этом традиционные ценности встраиваются в новую систему ценностей красных (и как покажет материал, который будет проанализирован ниже, – отказ красными в системе традиционных ценностей белым). Важно вот что: новая система ценностей красных объясняется языком традиционных ценностей; бывшие свои (т.е. белые) становятся частью мира чужих. Белым и интервентам приписывается единая (или схожая) система ценностей.

Обращение к материалу периода Гражданской войны вызвано актуальной для современной науки задачей – необходимостью выявить особенности соотношения эволюции духовных ценностей и миграционных процессов. В.М. Рынков, исследуя проблему вынужденной миграции в период Гражданской войны (1918–1922 гг.), отмечает сложность миграционных процессов: "<...> через Владивосток одновременно двигались два других встречных потока вынужденных мигрантов. С одной стороны, российский военнопленные, возвращавшиеся из Европы восточным путем, с другой – военнопленные центральных держав, отправлявшиеся домой" [8, с. 111]. И это лишь малая часть сложного миграционного движения, которое пересекало Сибирь и Дальний Восток.

Поэтому особый интерес представляет существование в этот непродолжительный, но очень трудный период, комплекса духовных ценностей русского народа. Насколько духовные ценности оказались восприимчивы к трансформации в контексте миграции, какие инструменты были задействованы для сохранения и / или изменения комплекса духовных ценностей. Поскольку заявленная проблема может быть решена в монографическом исследовании, тема данной статьи будет ограничена обращением к духовным ценностям представителей красного движения.

В числе исследователей, рассматривавших устное народное творчество периода Гражданской войны с позиции актуальных задач, есть дальневосточные и сибирские фольклористы. Так, Л.Е. Фетисова обращается к образам героев Октябрьской революции и Гражданской войны [10], И.А. Дябкин рассматривается фольклорные образы героев рассматриваемого периода как источник литературной мифологизации [4], А.Г. Игумнов выстраивает связи песенного фольклора Гражданской войны с предшествующей традицией [5]. Изучен был и фольклор

представителей белого движения, в частности, в аспекте влияния песенной культуры белогвардейцев на песенный фольклор красноармейцев [7].

Современные литературоведы также анализировали обозначенный период на материале художественной прозы. Упомянем, в частности, Д.М. Бычкова, обратившегося к пьесе Л. Улицкой "Семеро святых из деревни Брюхо", объектом своего исследования выбравшего трагедию человека в сложный период истории [1]. Но проблема эволюции духовных ценностей красного движения не рассматривалась ни на фольклорном материале, ни на материале художественной литературы Сибири и Дальнего Востока. В этом заключается **новизна** исследования.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей эволюции комплекса духовных ценностей на примере ценностей представителей красного движения и особенностей его реализации и функционирования в песенном фольклоре периода Гражданской войны. **Задачи** статьи связаны с выявлением групп носителей этих ценностей и обнаружением индивидуальных компонентов духовных ценностей, присущих каждой группе. **Объектом** исследования стали духовные ценности, **предметом** исследования – духовные ценности красного движения в песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока. В качестве основных **методов** использовались структурно-типологический, структурно-семантический, описательный.

Были отобраны фольклорные тексты, в которых упоминается об интервентах и представителях белого движения, поскольку именно при выполнении этого условия особенно чётко проявляются ценности красного движения. Всего в исследованном материале (были проанализированы тексты четырёх сборников [2; 9; 11; 12] и привлечены опубликованные в монографии [13]) выявлено 65 песен, отвечающих заявленным условиям, что оказалось достаточным для достижения поставленной цели. 42 текста зафиксированы в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области, 23 – в Бурятии, Красноярском и Алтайском крае, Читинской, Иркутской и Томской областях в 1917–1969 гг.

Вот как выглядят группы представителей красных, на которых реализуются и для которых одновременно становятся значимыми те или иные духовные ценности, при этом и они сами входят в число ценностей красного движения:

- 1) партизан, рядовой представитель красного движения (ценен для семьи и боевых товарищей; для самого себя; для народа);
- 2) командир, руководящее лицо партизанского движения (ценен для рядовых бойцов);
- 3) члены семьи представителя красного движения (ценны для бойца);
- 4) народ, крестьяне, пролетарии (ценны для бойца).

Безусловно, самыми популярными персонажами песен периода Гражданской войны становятся **партизаны**. Как значимый инструмент пропаганды, песни формируют идеальное представление о партизанах, поэтому отрицательные черты, приверженность красных антиценностям в фольклоре не выявлены. Итак, какие же ценности приписываются рядовым бойцам? Следует отметить, что актуализация конкретных ценностей связана с рядом жизненных ситуаций.

Так, для боевых действий важна месть как реакция за убитых родных. Именно месть за кровных родственников запускает определенные механизмы в психике бойца: *Ворвались недруги заморские, / Убили мать, сестру, отца. / <...> / И гневом мстителей наполнилась / Вся сибирская тайга* [2, с. 50]. Бойцы воспринимают себя носителями высшей культуры, высших ценностей. Своих врагов низводят на уровень орды, с которой предстоит бой. Для боя важна определенная эмоциональная наполненность: *Силам орды / Свой пыл противопоставим* [2, с. 68].

Но чаще других причиной боевых действий называется свобода (или воля), которую необходимо вернуть или отстоять. Для достижения свободы необходима смелость: *Смело, солдаты Сибири свободной, / В бой за свободу свою!* [2, с. 40]. Свобода достигается только вместе с победой: *К победе, свободе идем* [2, с. 75]. *Иго* (т.е. жизнь без свободы) хуже войны, поэтому бойцы выбирают войну за свободу: *Никто тебе, война, не рад, / Но не хотим себе мы ига: / Ушли с винтовкою в отряд* [2, с. 207].

Высоко ценится и единство, единомыслие народных масс: *К нам отовсюду великой волною / Крестьян и рабочих дружина идет* [2, с. 41]. Ведь там, где большинство, там и правда, а где правда, там и сила. Этот принцип реализуется в песенном фольклоре в полной мере: *В большие полки собирались / Японцев и белых громить* [2, с. 41].

Значимым мотивом действия бойца является долг. Долг – особая ценность, связанная со значимостью для общества самого бойца (*Люду бедному опора / Наши красные полки* [2, с. 69]). И боевой подвиг обозначается долгом, и последующий за ним трудовой подвиг – тоже. Именно с боевым, а не трудовым подвигом связано понятие чести и физической силы: *Ты честно долг свой исполняешь / Перед свободною страной, / Ты утомления не знаешь, / Идя вперед в победный бой* [2, с. 64].

В системе новой иерархии, приписываемой народу, именно партизанам отводится роль защитников. Причём защитников не своей семьи, не слабых женщин и детей, а защитников носителей другой ценности – мирного труда – крестьян: *На страже стоят партизаны – / Всегда защитят от штыков* [2, с. 108]. В другой песне возникает образ обездоленных: *Мы сражались, мы сражались / За народ за трудовой, / За несчастных, за несчастных, / Обездоленных судьбой* [12, с. 218].

Именно бойцам приписывается такая ценность, как уничтожение врага: *Белых супостатов перебьем* [2, с. 76]. Конечно, чаще всего это происходит в честном бою. Но упоминается в песнях и убийство врага по сговору. Показательно, что подобная модель поведения позиционируется как проявление смекалки, народного единства, а не нарушение древнего боевого принципа славян "идем на вы".

*Офицеров перебили –
Это был переворот.
Те шестнадцать офицеров,
Что на красных нас вели,
В ту же ночь, беде не веря,
Все убитыми легли.
Из харчинов всей команды
Восемнадцать мы убили,
Остальных из ихней банды
Мы живыми захватили* [2, с. 104].

Показательно, что если свобода заявляется ценностью группы, то возможность умереть за народ признаётся ценностью индивидуальной. В песнях периода Гражданской войны редко встречается сюжет групповой гибели красных. Но весьма распространённый сюжет – гибель бойца. Значимо, что герой, умирая, не раскаивается в своем выборе, а заповедует его другим: *Заклинаю я / <...> / Все казачество, / Забайкальское. / Не служить, как встарь, / Злому недругу – / Императору / Да помещикам, / <...>. / А служить-помочь / Брату ближнему – / Пролетарию да крестьянину* [2, с. 58].

Герой обозначает, от кого он умирает и за какую цель. Причина гибели (вид ранения), когда речь идёт от первого лица, значения не имеет (но довольно часто упоминается, где говорится о раненом и выжившем бойце): *Умираю я / За народ родной / От руки врага / Кровожадного* [2, с. 59]. Для умирающего важно сохранить свою честь. Он просит коня передать, что он *честно погиб за рабочих* [12, с. 214]. Впрочем, порой в песнях происходит возвращение к привычным ценностям, например, гибель за Родину, а не за свободу: *Пал партизан в бою кровавом, / Он жизнь за Родину отдал* [2, с. 158].

Партизаны, у которых вот-вот закончатся патроны, предвидят гибель и выбирают именно её, а не плен. При этом с окончанием их жизни не заканчивается существование идеи, за которую они борются: *Мы в плен не сдадимся живыми, / Врага покорим или умрем, / А наши там братья в Сибири / Помогут покончить с врагом* [12, с. 219].

Идея жертвенности связана с ценностью послушания. Показательно, что послушание возводится в ранг исполнения заветов. Т.е. срабатывает механизм защиты, присущий традиционной норме, когда человеческое (сейчас подразумевается

мнение) возводится в ранг сакрального: *Своих потеряли немало / Стойких, отважных бойцов, / Что отдали жизнь, не жалея, / Исполнить заветы борцов* [2, с. 133].

И жертва не была напрасна. Герои и их командир погибли в бою, но побеждён и враг: *Убитые братья в могилах лежат. / Там были бои, отступали японцы, / Враг в панике быстро с Востока бежал* [2, с. 158]. Убитые красные бойцы называются братьями, включается родственная – самая ценная для человека традиционного мировоззрения – идентификация.

Но в песнях встречается ещё один пример достойной гибели представителя красного движения: не на поле боя, а в результате казни. В песне повествуется о расстреле большевика, очевидна героизация смерти за правое дело. Его смерть должна разбудить на борьбу всех тех, кто ещё спит: и русских, и *братьев Востока*. Смелость большевика противопоставляется трусости тех, кто его расстреливает: *Пронзенный рабочий присел, / Конвой, озираясь пугливо, / Докончил презренный расстрел...* [2, с. 159].

С идеей жертвенности связан и мотив заключения. Находящиеся в заточении терпят голод и испытывают беспомощность, ждут помощи от своих. Так ценность свободы находит ещё одну реализацию:

*Проклинаю тюремную долю,
Вспоминая советский наш дом,
Мы глядим сквозь решетку на волю,
Журавлевских товарищей ждем* [2, с. 248].

Ещё одна ценность – возможность достойно похоронить погибших. Она актуализируется тогда, когда нет возможности исполнить этот долг.

*Убитых героев-товарищей
Земле не могли мы предать,
Коварным врагам на посмешище
Их трупы пришлось нам отдать* [2, с. 133].

В другой песне говорится о достойном захоронении павшего бойца. Значимой оказывается надпись на могиле, характеризующая героя, подводящая итог его жизни: *Могилу вырыли глубоко / Среди тенистых старых лип, / <...> / И на знаме написали, / Что за свободу он погиб* [2, с. 206].

Реже, чем о гибели героя, говорится о нанесении его здоровью вреда. С войны он возвращается калекой или раненым. Победа – ценность, которая дается дорогой ценой, в том числе и ценой собственного здоровья. Но ранение – это повод для гордости, подтверждение доблести бойца: *Забинтованные раны, / И глаза его горят: / Вот как наши партизаны / За крестьянскую власть стоят!* [2, с. 196].

Частной, но все же ценностью, является и уважительное отношение к родным павшего врага. Они имеют право знать, что же случилось с их сыном или мужем. Так, в песне говорится о лирическом герое, отправляющем ворона отнести на далёкие острова (видимо, подразумевается Япония) *косточку* павшего врага. Но эта ценность имеет скрытый подтекст: красным бойцам важно направить ненависть родных погибшего в нужное русло: *Пусть родные их узнают, / Где постигла их беда, / И со злобой проклинают / Тех, кто их послал сюда* [2, с. 133].

В особую группу необходимо выделить **командиров**. Следует отметить, что текстов, посвященных руководителям партизанского движения, меньше в сравнении с песнями о рядовых бойцах. В них представлены как образы реально существовавших командиров (Сергея Лазо и Федота Погодаева), так и командиров безымянных. Подобно прочим носителям духовных ценностей красных, командиры идеализированы. Показательно, что по внешним признакам командира нельзя отличить от его бойцов: *У них не узнать командира, / Кто в чем попало одет* [2, с. 108]. В этой песне говорится о Сергее Лазо. Он молод, его ненавидят японцы и любят партизаны, причём *любят за правду его* [2, с. 108]. В другом командире – Федоте Погодаеве – воспеваются отвага и доблесть: он первым идёт на врага и ведёт за собой партизан. Эта же черта приписывается и безымянному командиру: *Эх, да командир не из трусливых, да / Был все время впереди* [11, с. 171].

Ценность командира заключается в способности консолидировать группу единомышленников и выступать в роли идеального представителя красного движения, отдающего свою жизнь за свободу народа. Победа далась тяжелой ценой: *Враг в панике быстро с Востока бежал, / А там под кустом командир партизанский / Смертельную рану к груди прижимал* [2, с. 158].

После гибели командира ценностью заявляется возможность его достойно похоронить и оплакать. В песне говорится о том, что враги захватили тело Федота Погодаева и долго безумно глумились над ним [2, с. 176]; герой был лишён достойного погребения: *За нас его вьюги в снегах схоронили, / И вьюги оплакали воем родным* [2, с. 176]. Когда будет добыта свобода, тогда появится и возможность похоронить командира с почестями;

*Падет произвол пред народною силою,
Товарищи прах твой земле предадут,
И свежую, им дорогую могилу
Живыми цветами кругом обкладут* [2, с. 176].

Кроме того, командиру приписывается способность оценивать действия партизан и возможность награждать их; жизнь командира – ценность народа. Тяжело раненный командир зовёт своих:

*Вы, ребята-партизаны,
Выручайте вы меня.
<...>
Жив я буду – не забуду,
Красным знаменем награжу!* [11, с. 171].

Лишь в одном тексте происходит смещение ролей, где личное побеждает общественное: командир ведёт партизанский отряд мстить за убийство жены и дочери [2, с. 243–245]. Причём переход от одной цели к другой естественен и не вызывает возражения в отряде:

*Раньше бился за свободу,
За народную нужду,
А теперь на месть японцам
Я вас, братцы, поведу* [2, с. 245].

Личное оказывается более ценным, чем общественное и перед гибелью героя. Сергей Лазо перед казнью вспоминает не о народе, которому посвятил жизнь, а своей маленькой дочери, нуждающейся в помощи и защите: *Прости и прощай, моя девочка Ада, / С тобой партизаны и мать* [2, с. 180].

Семья – ещё одна несоизмеримая ценность (и одновременно – третья группа). Народное сознание использует довольно простые механизмы выявления ценностей: герой песни лишается очень важного для него или же идёт отстаивать это важное, впрочем, первое и второе могут и сочетаться в одном сюжете. Малозначительное же всегда оказывается за рамками сюжета.

Одной из первостепенных ценностей становится жизнь жены или невесты (при наличии) и близких кровных родственников, тех, с кем герой живёт одним домом (это очень важный признак).

*Видел я прошедшей ночью
Мать родную и сестру,
Подводили их японцы
К разведенному костру.
Били, жгли их, издевались <...>* [2, с. 244].

Речь идёт о мучительной смерти от врага (для женщин) и в бою (для мужчин). Показательно, что используются две модели. При одной из них на первое место ставятся жизни женщин: сестры и матери или матери и сестры, т.е. тех, кто не может за себя постоять (*Ворвались недруги заморские, / Убили мать, сестру, отца* [2, с. 50]); при другой модели на первом месте оказываются дававшие отпор врагу,

но побежденные им, мужчины (*Отец погиб в кровавой схватке, / Сгорела мать, я спас сестру* [2, с. 242]).

Песенный фольклор показывает разнообразную очередность гибели родственников. Это говорит, скорее, об особенностях развития сюжета, чем о большей или меньшей ценности родных в глазах народа. Воспроизводится модель *безродного сиротства*, т.е. такого, где герой остается "без близкой родни" [3, с. 188]:

*Вчера японцы налетели,
Сестру изрезали ножом,
Мать изрубили, брата взяли,
Осиротел наш родной дом* [2, с. 198].

Одна из песен показывает ценность убитых родных, которая актуализируется при схожей потере в другой семье. Говорится, скорее, о переживании собственного горя, о запуске механизма переживания собственной беды, чем о сочувствии другому человеку: *На меня соседки взглянув, / Плакали навзрыд. / У одной отца нет, / Дядя у другой убит* [2, с. 224].

Связана с этой ценностью возможность оплакать и достойно похоронить умерших. Показательно, что в песне происходит четкое разделение: сестра молится об упокоении родителей, а о молитве брата речи не идет, у него в войне другая функция – защитить единственную оставшуюся живых родственницу: *Сестра за мать свою молилась / И за отца, что в битве пал* [2, с. 243]. Но поскольку герой лишается и сестры, месть – единственное, что ему остается: *И вечной клятвою поклялся / Отмстить врагам за дом родной* [2, с. 243]. В другой песне говорится об отце и сыне, которые мстят за убийство жены (матери) и дочери (сестры) и сами гибнут.

*Рано утром все семейство
Мир в могилу положил.
А на память партизанам
Песню эту я сложил* [2, с. 245].

Третьей значимой ценностью семьи заявляется женская честь близких родственниц или суженой. От песни к песни воспроизводится иерархия родственниц как ценности семьи. Если у героя есть жена или невеста, то первой в проанализированном материале упоминается она, затем – сестра и только после – мать. На женскую честь посягают как интервенты, так и представители белого движения. Речь может идти как о происходящем в настоящее время, так уже и как о свершившемся злодеянии: *Не твоя ли невеста, сестра или мать / Бьется в лапах японца солдата* [2, с. 202]; *И жен их, сестер, матерей он [Семенов] поганил* [2, с. 232].

Четвертой ценностью оказывается возможность жить вместе со своей семьей и заботиться о своих родных (кормить, воспитывать, защищать). Она актуализируется, когда герои лишаются этой возможности. Речь идет о вынужденном оставлении семьи. (Но жизнь родных, надо отметить, в народном сознании все же оказывается более важной ценностью.) В песне появляется противопоставление того, чего герои не боятся, тому, что вызывает у них страх. Собственный голод не имеет значения в сравнении с возможной опасностью для родных:

*Мы не боимся голода,
Идем мы на войну.
Старушку-мать оставили,
Отца, жену, детей –
И вот они – заложники
Расстрелов и плетей* [2, с. 115].

Ситуация разлуки показана и с другой стороны – от лица матери, которая может умереть, не дождав сына: *Мать-старушка тоскует о сыне родном, / Видно, ей уж его не дождаться* [2, с. 202].

Становится очевидным, что в народном сознании сливаются в единое два значимых понятия – долг и ценность. Подтверждением этому тезису является как

рассмотренный выше материал, так сюжет песни, где говорится о герое, с честью выполнившем свой воинский долг и вернувшемся с войны калеккой:

*Ох, маменька, что ж, и я дрался,
Сумел ордена заслужить.
Оставшейся правой рукою
Сумею я мать прокормить* [2, с. 188–189].

В песенном фольклоре периода Гражданской войны редко, но всё же упоминается о жизни после победы. Родители встречают сына и обозначают ценности, в которых очевидны как ценности семьи (строительство дома, продолжение рода), так и встраивание семьи в новые условия жизни:

*Сынка теперь поженим,
Построим новый дом,
И жизнь свою изменим,
В коммуны все пойдем* [12, с. 223].

Но семья и семейные отношения остаются ценностями только при условии, если между членами семьи (причём кровными родственниками) нет противостояния на политическом поле. Ценности социальной группы, политической принадлежности оказываются доминирующими, при этом родство перестаёт быть ценностью. Показательно, что в песнях периода Гражданской войны противопоставляются друг другу мужчины – два брата, т.е. члены семьи, имеющие схожий семейный статус, а не отец и сын, например. В этом можно усмотреть некоторую попытку отстоять ценность семейной иерархии.

В трех рассмотренных песнях политические предпочтения братьев стабильны. Красным оказывается всегда старший, т.е. имеющий более высокий статус в семье:

*В ряды красных брат старших пошел,
Дали младшему в руки винтовку,
Добровольцем он к белым пошел* [2, с. 213].

Первым как раз отрекается от брата старший – красноармеец. В этом очевидна трансляция новых ценностей:

*Старший молвил: "Ты – белым бандитом,
Ваш девиз был насилье, расстрел,
Не зову я тебя больше братом".
И винтовку он взял на прицел* [2, с. 213].

В результате младший брат убивает старшего. При этом важно вот что: младший брат от старшего не отрекается. Для него семейные отношения все также значимы. Т.е. для представителя белого движения семейные отношения важнее, чем принадлежность к политическому полю. И убивает он старшего, защищаясь. Но для новой морали белый, от которого совсем недавно отрекся брат, превращается в братоубийцу. Народная мораль, в том числе и обновленная народная мораль, полутонов не знает, чётко разделяя мир на красное и белое.

Четвёртая группа – **народ** (крестьяне, пролетарии). Показательно, что песенный фольклор периода Гражданской войны описывает народ двояко: с позиции *смещения* (красное движение как часть народа) и с позиции *разграничения* (красное движение отделяет себя от народа), причём вторая позиция реализуется в текстах чаще. Если значимость семьи актуализируется в том случае, когда герой лишается родных, то в ситуации с народом речь чаще идёт о добывании того, что народ прежде не имел. Речь идёт о свободе. Позиция смещения в текстах выглядит следующим образом: *Цепи тиранов могучей рукою / Сбросит свободный народ* [2, с. 41]; *Могучим ударом трудящийся класс / Разрушит буржуев преграды* [2, с. 73]. И что показательно, победа приписывается не красному движению, а всему народу: *Знай, восставшему народу / Дорогой ценой / Удалось купить свободу, / Счастье и покой* [11, с. 66].

Обращает на себя внимание стабильно реализующийся в фольклоре треугольник Карпмана (впервые описан в 1968 г.), где между участниками четко распределены не подлежащие сомнению роли: народ представлен жертвой, белое движение – только как тиран, красное – исключительно в качестве спасателя. И как в треугольнике Карпмана, спасателя не интересует мнение жертвы, он не испытывает сомнений в правоте собственных действий: красное движение спасает народ, исходя из собственных установок и предпочтений: *Пусть не боятся крестьяне / Проклятых цепей Колмыка, / На их стороне партизаны / Избавят всегда от врага* [2, с. 213].

Красное движение безоговорочно уверено в том, что народ нуждается в его помощи. Именно собственные установки и предпочтения и дают видеть в народе жертву, нуждающуюся в освобождении. Партизаны *счастье, свободу народу / Под знаменем красным несут* [2, с. 108]; *Пусть не боятся крестьяне / Заклятых врагов – беляков: / На страже стоят партизаны – / Всегда защитят от штыков* [2, с. 108]; *Трудовому мы народу / Жизнь свободную вернем* [2, с. 211]. Народ – слаб и беззащитен: он *гоним властью, его грабят* [9, с. 64], а за грехи отцов – представителей белого движения – перед народом ответят их сыновья [13, с. 85].

При этом жертву приносит не красное движение в целом, а его конкретный представитель. Только так осознается ценность жертвы. Жизнь каждого отдельного бойца должна быть положена на алтарь освобождения. Воспевается самопожертвование: *Умираю я / За народ родной / От руки врага / Кровожадного* [2, с. 59]. При этом реакция народа на подобную жертву остается за рамками повествования.

В текстах очевидной становится попытка разбудить народ, активизировать его. Спасатель ожидает положительной реакции на свои действия и призывы: *Вставай, рабочий-великан, / Пожар восстанья раздувай* [2, с. 38]. Далее в этом тексте описывается слияние жертвы и спасателя в единый организм. Существующий мир обесценивается, его необходимо уничтожить, а затем построить новый, соответствующий ценностям красного движения:

*Мы шар земной перевернем,
И на развалинах чертога
Построим мы свой новый дом* [2, с. 38].

Ценность свободы, изменения мира зиждется не на истинности убеждений, которые необходимо отстаивать до конца, даже до конца собственной жизни (что характерно для традиционного мировоззрения), а на количественном превосходстве:

*Весь старый мир в огне спалим,
Поднимем мы высоко знамя,
Мы все умрем иль победим.
Мы победим: нас очень много <...>* [2, с. 38].

И так проявляется истинная ценность народа: он становится объектом для освобождения. Так происходит подмена смыслов, сродни омонимии в языке: народ в традиционном фольклоре как единая нация в песенном фольклоре периода Гражданской войны подменяется народом как группой – представителями низших социальных слоев. Впрочем, группа жертвы, народа, расширяется в другом направлении. Происходит включение в группу своих тех, кто в традиционном фольклоре входил в группу чужих, других: *Кровной спаянные спайкой / Со всемирной гольтьбой, / За нее мы с враждей шайкой / Поведем последний бой* [2, с. 69]; *Тогда заблещет свет свободы, / <...> / Соются в братстве все народы / В одну семью, в один народ* [2, с. 39].

О ценностях, присущих самой группе, заявляется крайне редко. Они представляют собой сочетание ценностей материальных и духовных. Так, ценностью группы, а не отдельной семьи, обозначается место проживания или локальная территория проживания: дом, населенный пункт. В этом случае об утрате больших территорий не говорится. Если для классического фольклора характерно стабильное "разграничение своей и чужой территорий" [6, с. 20], то в песнях периода Гражданской войны отражается реальная ситуация перехода населенных пунктов

из одних рук в другие и обратно. Показательно, что в текстах упоминается как о сжигании дома врагами (*Как лихие супостаты / Наши села жгли [Тропами таежными, с. 65]; Огонь пожрал наше селенье, / И все живое замерло [2, с. 242]*), так и о возвращении дома (*А Семенова с японцами разобьем, / Свои хаты скоро мы вернем [2, с. 77]*).

При анализе песенного фольклора периода Гражданской войны было обнаружено, что комплекс системы духовных ценностей персонажей, по сути, возникает в результате сложения компонентов системы, каждый из которых значим для одной из четырех выявленных групп персонажей. При этом становится очевидной незыблемость, устойчивость ценностей и способность ценностей всех групп образовывать единый комплекс, в котором ценности той или иной группы не противоречат друг другу, но при этом ценности одной группы могут не являться актуальными для другой группы.

Проанализированный материал позволяет выявить законы функционирования духовных ценностей в народном сознании: уничтожение духовных ценностей связано с уничтожением их носителей, красное движение оценивается только как защитники ценностей, чтобы отстоять свои духовные ценности, необходимо уничтожить чужие. Духовные ценности актуализируются в процессе лишения. Ценности группы важнее семьи как ценности и ценностей семьи. Духовные ценности достигаются или возвращаются борьбой и победой. Другого варианта традиционное сознание не знает.

Духовные ценности существуют в связке с другими не менее значимыми явлениями, такими как чувство долга, жертвенность, сохранение этноса, идентификации. Духовные ценности имеют и общественную, и личную направленность: они ценны для конкретного человека как представителя группы и направлены на сохранение конкретной группы (семьи, крестьянства, народа).

Встраиваемые в систему народных духовных ценностей, духовные ценности представителей красного движения являют образец эволюции, развития традиционной системы. Опираясь на фундамент традиционных понятий, они частично подменяют их содержание, что, однако, не вызывает отторжения в народном сознании. При этом проанализированный материал показал стабильную устойчивость духовных ценностей в период активного беженства: в песнях периода Гражданской войны не было выявлено влияния духовных ценностей беженцев как группы, не выявлено и влияния этого явления на сюжетно-образный и мотивный фонды. Сосредоточив внимание на противостоянии красных и белых, песенный фольклор не считал значимым выделять в числе первых или в числе вторых беженцев, однако акцент на персонажах-поселенцах периодически в текстах возникает. Таким образом, обнаруживается незначимость проблемы беженства как части миграционного процесса периода Гражданской войны для народного сознания.

Литература

1. Бычков Д.М. Судьба праведника в зеркале революции: опыт репрезентации пореволюционного бытия в современной русской драматургии // 1917 год в судьбах народов России: сб. мат. Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. уч. / отв. ред. Фролова И.В. Уфа: Изд-во: Башкирский государственный университет, 2017. С. 180–185.
2. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л. Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
3. Даль В.И. Сирота // В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 4. С. 188.
4. Дябкин И.А. Фольклорный образ героев Гражданской войны как источник литературной мифологизации (на материале дальневосточного фольклора 20–30-х гг. XX в.) // Посевские чтения-2011: мат-лы регион. научно-практ. конф. / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: БГПУ, 2011. С. 189–200.
5. Игумнов А.Г. Мимесис песен Гражданской войны на фоне предшествующей традиции // Мир Центральной Азии: мат-лы междунар. науч. конф. / отв. ред. Б.В. Базаров. Т. IV. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 69–72.
6. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук по специальности 10.01.09 – фольклористика. Улан-Удэ, 2012. 26 с.
7. Орлянский Е.А. Влияние белогвардейской песенной культуры на идейных противников // "Эхо рус-

- ского народа": отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве: материалы IV Междунар. молодёж. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.В. Гермизеева. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 108–111.
8. Рынков В.М. "Сибирский бег" в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия "История" 2014. Т. 9. С. 101–115.
9. Тропами таежными. Песни и частушки гражданской войны на Дальнем Востоке / вступ. ст., подгот. текста и примечания С.И. Красноштанова. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 160 с.
10. Фетисова Л.Е. Фольклорная культура юга Дальнего Востока СССР 1920–1930-х гг.: традиции и новации // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 247–255.
11. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. 288 с.
12. Фольклор казаков Сибири / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ: Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР, 1969. 364 с.
13. Элиасов Л.Е. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи Гражданской войны. Улан-Удэ: Бурят-монгольское книжное издательство, 1957. 278 с.

References

1. Bychkov D.M. The fate of the righteous in the mirror of the revolution: the experience of representing post-revolutionary life in modern Russian drama // 1917 in the fate of the peoples of Russia: collection of articles. mat. All-Russian scientific-practical. conf. with international participation / resp. ed. Frolova I.V. Ufa: Publishing House: Bashkir State University, 2017. P. 180–185. (In Russ.).
2. Heroic poetry of the civil war in Siberia / comp. L. E. Eliasov. Novosibirsk: Nauka, 1982. 337 p. (In Russ.).
3. Dal V.I. Orphan // V.I. Dal. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. M.: Rus. yaz., 1999. T. 4. S. 188. (In Russ.).
4. Dyabkin I.A. Folklore Image of the Heroes of the Civil War as a Source of Literary Mythologization (Based on the Far Eastern Folklore of the 1920s–30s) // Losevsky Readings-2011: Materials of the Region. scientific and practical. conf. / ed. A.V. Urmanov. Blagoveshchensk: BSPU, 2011. P. 189–200. (In Russ.).
5. Igmunov A.G. Mimesis of the songs of the Civil War against the background of the previous tradition // World of Central Asia: materials of the Intern. scientific conf. / resp. ed. B.V. Bazarov. T. IV. Part 2. Ulan-Ude: BNTs SB RAS, 2002. P. 69–72. (In Russ.).
6. Kiseleva M.S. Pagan and Christian ideas about the earth in folklore and ancient Russian literature: abstract of the dissertation for the degree of cand. philol. sciences, specialty 10.01.09 – folklore. Ulan-Ude, 2012. 26 p. (In Russ.).
7. Orlyansky E.A. The influence of the White Guard song culture on ideological opponents // "Echo of the Russian people": reflection of the history of Russia in the twentieth century in poetic and song creativity: materials of the IV Intern. youth. scientific-practical. conf. / resp. ed. V.V. Germizeev. Омск: ОмГТУ, 2017. P. 108–111. (In Russ.).
8. Rynkov V.M. "Siberian Run" during the Civil War (1918–1922) // Bulletin of the Irkutsk State University. Series "History". 2014. V. 9. S. 101–115. (In Russ.).
9. Taiga paths. Songs and ditties of the civil war in the Far East / entry. Art., prepared. text and notes by S.I. Krasnoshtanov. Khabarovsk: Book. publishing house, 1969. 160 p. (In Russ.).
10. Fetisova L.E. Folklore culture of the south of the Far East of the USSR in the 1920s–1930s: traditions and innovations // Soviet Far East in the Stalin and post-Stalin eras: coll. scientific Art. / resp. ed. E.N. Chernolutsкая. Vladivostok: IIAE FEB RAN, 2014. P. 247–255. (In Russ.).
11. Folklore of the Far River / comp. L.M. Sviridov. Vladivostok: FEGU Publ., 1986. 288 p. (In Russ.).
12. Folklore of the Cossacks of Siberia / comp. L.E. Eliasov, I.Z. Yarnevsky. Ulan-Ude: Printing house of the Press Department under the Council of Ministers of the BurASSR, 1969. 364 p. (In Russ.).
13. Eliasov L.E. Folk revolutionary poetry of Eastern Siberia in the era of the Civil War. Ulan-Ude: Buryat-Mongolian book publishing house, 1957. 278 p. (In Russ.).

Татьяна Владимировна КРАЮШКИНА, д-р. филол. наук, главный научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: kvtpb@yandex.ru

Tatyana V. KRAYUSHKINA, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Center for the History of Culture and Intercultural Communications, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: kvtpb@yandex.ru

Поступила в редакцию
(Received) 21.09.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 11.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2023